

Два дня назад Байли Фэн по приказу старейшин своей секты отправился понаблюдать за испытаниями в Секте Меча Лянъи. По пути ему повстречались трое тамошних учеников. Воспылав похотью при виде столичного красавца, они принялись отпускать в его адрес грязные и дерзкие намеки. Разумеется, гордый юноша не привык сносить подобные оскорбления, так что дело быстро дошло до оружия.

Именно в этот момент на тропе объявился Чжоу Ци. Решив, что у них появилась надежная опора, наглецы гурьбой ринулись на Байли Фэн. Однако он лишь хладнокровно наблюдал за схваткой со стороны и пальцем не пошевелил, пока все трое не испустили дух.

Более того, когда тела безжизненно рухнули на землю, он достал порошок для растворения плоти и бесследно стер все следы их пребывания в этом мире.

— Твоя расправа была слишком небрежной, — вкрадчиво заметил тогда Чжоу Ци. — У каждого ученика нашей секты есть именной жетон в зале старейшин. Стоит владельцу погибнуть, как жетон тут же расколется, предупредив главу секты и их личных учителей.

Байли Фэн удивленно вскинул брови:

— Тебе совсем не жаль соучеников?

— Они проявили к тебе непочтительность, так что заслужили смерть, — Чжоу Ци ласково улыбнулся. От этой вкрадчивой мягкости по спине рыжеволосого красавца пробежал настоящий озноб.

Как только дневные испытания подошли к концу, Байли Фэн, изнывая от грызущих его сомнений, напрямик направился к Чжоу Ци. Он был импульсивным и высокомерным, но глупой его назвать никто бы не решился — иначе юноша с подобным нравом давно бы сгинул в какой-нибудь придорожной канаве.

Завидев его воинственный вид, юноша ничуть не смутился. Первым делом он небрежным взмахом руки воздвиг беззвучный барьер и лишь затем неторопливо проговорил:

— Спрашивай, что хотел. А я уж посмотрю по настроению, отвечать тебе или нет.

— Те трое, что сегодня так и не явились на испытания... это ведь моих рук дело?

— Твоих, — Чжоу Ци неторопливо налил ему чаю. — И удар был нанесен безупречно. Иначе хлопот мы бы потом не обобрались.

— Но за ниточки в этой игре дергал ты, не так ли? — прищурился Байли Фэн. — И дело вовсе не в защите моей чести. У тебя под рукой так удачно оказался порошок для уничтожения тел... Ты ведь давно планировал избавиться от них?

Он сделал паузу, пристально вглядываясь в его лицо, и добавил:

— И сдается мне, наша «случайная» встреча на тропе тоже была частью твоего замысла.

Чжоу Ци промолчал, никак не подтвердив его догадку, но юноше и не требовалось слов — его безразличный вид говорил сам за себя.

— Не понимаю, к чему такие сложности? Зачем марать мои руки? — Байли Фэн сделал шаг вперед, не сводя с него глаз. — Ради победы в испытаниях? Сводка личных счетов? Или... все это из-за Цзян Сяочжоу?

Чжоу Ци поперхнулся чаем. Он закашлялся, поспешно прикрывая рот ладонью — меньше всего он ожидал, что разговор свернет в эту сторону.

«Неужели интуиция действительно столь пугающая вещь? Кто вообще в здравом уме мог связать эти события с Сяочжоу?»

— Так я угадал? Все действительно из-за Цзян Сяочжоу? — лицо юноши приняло весьма озадаченное выражение. — Но вы ведь, сколько помню, на дух друг друга не переносите?

— Глупости, — Чжоу Ци мгновенно вернул себе невозмутимый вид и сухо отрезал: — Ничего подобного.

Мысли в голове Байли Фэн замесались, выстраивая новые логические цепочки. Он в один глоток осушил остывшую чашку, легко поднялся на ноги и фыркнул:

— Скучный ты собеседник. Пойду лучше расспрошу самого Цзян Сяочжоу.

— Стоять! — Чжоу Ци преградил ему путь. — С каких это пор вы так близко сошлись?

— Он выхаживает детеныша золотистого белоснежного волка, но с малышом что-то не так, вот он и обратился ко мне за советом, — Байли Фэн лукаво прищурился. — Что такое? Уж не ревнуешь ли ты?

Юноша лишь издал короткий сухой смешок и жестом указал ему на дверь, давая понять, что разговор окончен.

Байли Фэн заглянул в обитель Цзян Сяочжоу, но того не оказалось на месте.

В это время юноша находился у главы секты — едва завершились испытания, отец призвал его к себе.

Они поднялись на Террасу Обсуждения Меча. Следом за ними шли фея Лэчи и младший брат, Цзян Цзиньюэ.

Солнце клонилось к закату, окрашивая вершины в багровые тона. Прохладный вечерний ветер приятно ласкал кожу. В стороне под сенью деревьев мирно дремал пурпурный аист.

— Сяочжоу, этот волчонок — тот самый, которого ты подобрал? — спросил Цзян Чангэ.

— Да, отец. Я зову его Сяо Бай, — юноша осторожно опустил пушистый комочек на каменные плиты террасы.

Волк, глуповато покачиваясь, сделал несколько шагов, а затем обернулся и принялся настойчиво царапать лапками полы халата Цзян Сяочжоу, тщетно пытаясь взобраться обратно на руки.

Фея Лэчи с мягкой улыбкой спросила:

— Ты уже заключил с ним контракт?

— Контракт? — удивился Цзян Сяочжоу. — Какой еще контракт? Об этом мне никто не рассказывал.

— Это моя оплошность, совсем позабыла предупредить, — покачала головой Лэчи. — Заклинатели могут связывать себя с духовными зверями узами разного рода. Это может быть контракт господина и слуги, обоюдное соглашение или же кровный союз. Сяо Бай вырос на твоих глазах, он до капли пропитан твоей духовной силой. Если вы заключите кровный контракт, то свяжете ваши души: обретете ментальную связь, станете делить на двоих плоды самосовершенствования и даже сможете улучшить природный талант друг друга. С другой стороны, контракт господина и слуги гарантирует его беспрекословное подчинение, он никогда не сможет пойти против твоей воли. Но и делиться силой с тобой зверь уже не будет.

Женщина вздохнула, глядя на возню волчонка:

— Этот малютка не из тех зверей, что выводят в нашей Секте Повелителей Зверей. Когда-то во время странствий я наткнулась на поле жестокой сечи между заклинателями и монстрами. Пара золотистых белоснежных волков погибла, до последнего вздоха защищая свое гнездо, где прятался этот щенок. Он родился со слабостью в теле и духе, сейчас его силы едва достигают стадии Создания Основы, да и разумом он обделен — обычные волки его вида куда сообразительнее. Для контракта господина и слуги его увечье не станет помехой. Но если ты замахнешься на кровный или обоюдный союз, хорошенько взвесь все риски.

Она мягко коснулась плеча пасынка:

— Когда примешь окончательное решение, отправляйся в Секту Повелителей Зверей. Обряд кровного союза — наше ревностно охраняемое таинство, да и без особых артефактов провести его не удастся.

Цзян Сяочжоу кивнул, бережно запечатлев каждое слово мачехи в памяти.

Когда расспросы о звере утихли, вперед неторопливо выступил Цзян Чангэ:

— Ну а теперь, Сяочжоу, покажи-ка мне, чему ты научился за последнее время.

Стоило отцу договорить, как воздух над террасой мгновенно уплотнился, и на плечи юноши мертвым грузом опустилось колоссальное духовное давление.

Цзян Сяочжоу поспешно задействовал «Искусство Линсинь», силясь выстоять под этим напором. К счастью, отец ограничил собственную мощь, опустив ее до стадии Слияния — уровня, на котором находился сам Сяочжоу. На этом этапе духовная энергия заклинателя начинает нераздельно переплетаться с его плотью, выводя физические и магические возможности на качественно новую ступень. Если переход от Создания Основы к Пробуждению Разума можно сравнить с взрослением ребенка в стенах родного дома, то шаг на ступень Слияния — это выход во внешний мир, начало настоящего познания.

Здесь требовалось глубокое понимание законов природы и гармонии сущего. Вероятно, благодаря тому, что философский склад ума Цзян Сяочжоу идеально соответствовал законам Небесного Дао, его прорыв на эту стадию прошел на удивление гладко.

— Принимай удар! — негромко скомандовал Цзян Чангэ.

Он вскинул руку, и из чистой духовной энергии соткал клинок. Острие устремилось вперед, описывая в воздухе безупречную дугу. Это была первая форма Техники меча Линсинь — «Серп Осенней Луны».

Стоявший у края площадки Цзян Цзиньюэ затаил дыхание, он восторженно посмотрел на отца. Он сам лишь недавно сумел постичь «Серп Осенней Луны», и теперь, наблюдая за безупречным исполнением отца, находил ответы на мучившие его вопросы. Невидимые нити чужого мастерства сплетались со зреющей в его собственном разуме волей меча, распутывая узлы, мешавшие ему во время тренировок. Мальчик крепко сжал кулаки, не смея даже моргнуть.

Сам же Цзян Сяочжоу мысленно застонал. Он прекрасно понимал, что шутить с отцовским клинком Ци смертельно опасно. Цзян Чангэ отдал пути меча больше века; его способность облекать волю в неосязаемую сталь была столь совершенна, что призрачное оружие по своей разрушительной мощи превосходило любой выкованный кузнецами клинок. До подобных высот Сяочжоу было еще расти и расти, а потому он без колебаний выхватил из ножен собственный меч, готовясь встретить обрушившийся на него шквал ударов.

Противостоять «Серпу Осенней Луны» можно было лишь одним способом — противопоставить ему «Поступь золотой осени»!

В то же мгновение над вершиной горы пронесся резкий, по-осеннему холодный вихрь. Из-под клинка юноши хлынул веер багровых кленовых листьев, сотканных из чистой воли. Они устремились навстречу отцу — движение казалось обманчиво плавным, но в его основе лежала сокрушительная, доведенная до предела скорость. Натиск «Серпа Осенней Луны» захлебнулся в этом листопаде.

Цзян Чангэ раскатисто расхохотался. Не прерывая движения, он мгновенно сменил стойку, переходя на технику, которой его сын никогда прежде не видел. Призрачное лезвие его меча закрутилось каскадом водных вихрей, жадно втягивая в себя влагу из окружающего воздуха и опадающих листьев. Один взмах — и пространство заполнил рев разъяренной стихии, точно на террасу обрушился штормовой вал, грозящий смести все на своем пути.

Цзян Сяочжоу стиснул зубы. Призвав «Пламя Сердца Лотоса», он воздвиг перед собой пылающий заслон. Огненная преграда сдержала яростный вал лишь на краткий миг, но этого хватило. Вода с шипением испарилась, а когда уцелевшие волны с ревом пробили брешь, юноши за ней уже не было.

Цзян Чангэ довольно усмехнулся. Всплеск его духовных сил заставил бурлящую воду взорваться мириадами брызг во все стороны. Этот беспощадный ливень настиг Цзян Сяочжоу прямо в воздухе, когда тот пытался уклониться, используя технику «Шага Восхождения к Облакам», и швырнул его на плиты террасы.

Отплевываясь от воды, Сяочжоу неловко поднялся на ноги. С его намокших одежд ручьями стекала вода, а в глазах горел упрямый огонек.

Цзян Чангэ убрал оружие и, заведя руки за спину, строго спросил:

— Если ты обладаешь такой силой, то почему позволил тем ничтожествам из внутренних покоев одолеть тебя на глазах у всех?

Юноша принялся выжимать мокрый подол халата:

— У меня не было причин драться насмерть. К тому же во второй половине дня на арене царствовал Чжоу Ци — он прекрасно справился с ролью грозового облака для остальных.

— Чжоу Ци — это Чжоу Ци! — сокрушенно вздохнул отец. — А ты — мой старший сын. И я не намерен до конца дней слушать, как сопливые ученики за глаза поливают тебя грязью.

— Меня не волнуют чужие пересуды...

— Твое равнодушие лишь раззадоривает шакалов, готовых разорвать тебя при первой слабости, — отрезал Цзян Чангэ. — Ты ведь видел, что случилось сегодня? Я знаю, что те трое погибли не от твоей руки. Но толпа уже вынесла приговор, и истина никого не заботит. Сяочжоу, вечные уступки и малодушие никогда не приведут тебя к вершинам Дао. Если ты пасуешь перед жалкими соучениками, то как собираешься выживать, когда бездна разверзнется и начнется вторжение демонов?

— Я защищу брата! — звонко выкрикнул Цзян Цзиньюэ, делая шаг вперед.

Маленький волчонок тоже подбежал к Сяочжоу, сочувственно ткнулся мокрым носом в его щиколотку и жалобно заскулил.

Сяочжоу погладил зверя по голове и тихо спросил:

— Отец... Я замечаю, что в последнее время ты сам не свой. Что-то надвигается, верно?

Цзян Чангэ устремил взор на угасающий горизонт. Лишь когда последние лучи солнца утонули в вечерней дымке, он глухо произнес:

— Сяочжоу, Лэчи... Недавно я пытался просчитать переплетение небесных судеб. И каждый раз меня сжимает ледяное предчувствие беды.

Фея Лэчи мгновенно утратила былую мягкость:

— Тень идет со стороны Царства Демонов?

— Не только, — покачал головой муж. — Звезды говорят, что вскоре над нашей семьей разразится буря. Я не переживу, если с кем-то из вас случится несчастье. Если рухнет Секта Меча Лянъи — что ж, я воздвигну новые чертоги. Если нахлынут демоны — мы скрестим клинки и погоним их обратно в бездну. Но если погибнет кто-то из вас... вся моя жизнь превратится в утлую лодку среди безбрежного моря страданий, потерявшую и весла, и берег.

Лэчи сделала шаг вперед и ласково сжала его ладонь:

— Мы справимся. Я защищу наших детей, чего бы мне это ни стоило.

Цзян Сяочжоу молча смотрел на отца. В сгущающихся сумерках на лице этого некогда грозного воина отчетливо проступили глубокие следы усталости.

Когда-то Цзян Чангэ был простым бродячим мечником. Гордый, не знающий преград, он делил кров лишь со своим клинком и не ведал страха. Но теперь у него появились те, кого он любил больше жизни. Одинокий и беспощадный мастер меча, когда-то одним ударом расколовший

Пик Линъюнь и в одиночку отстоявший область Баолин, теперь вынужден был оглядываться перед каждым шагом.

Он добровольно сковал себя узами любви, превратив былую непробиваемую броню в уязвимое человеческое сердце.

Мрак окончательно поглотил землю. Первый старейшина медленно открыл глаза, прерывая медитацию, и бесстрастно произнес в пустоту темной залы:

— Младший брат, раз уж пришел, то нечего прятаться по углам. Выходи.

Из тени соткался силуэт. Взмахом рукава он воздвиг изолирующий полог и ядовито усмехнулся:

— Надо же, старший брат все еще предается созерцанию! А между тем ученик из твоей личной ветви сгинул без следа.

Первый старейшина даже не шелохнулся, он лишь слегка вздрогнул. Вот уже два столетия он безуспешно пытался преодолеть порог, отделяющий пик стадии Золотого Ядра от заветного прорыва. Лицо его давно покрыла густая сеть морщин, а плечи белели от седины. Если в ближайшие годы ему не удастся взрастить Зарождающуюся Душу, его жизненный лимит иссякнет, и его ждет неизбежная смерть от старости.

— Подумаешь, какой-то безродный ученик, — холодно отозвался старик. — Не стоит тратить на него пламя своего гнева.

Второй старейшина издал издевательский, шипящий смешок:

— Ах, старший брат, полно тебе притворяться передо мной. Словно я не знаю, что этот мальчишка был твоим тайным сосудом! Он как раз достиг стадии Слияния. Стоило тебе провести ритуал поглощения, и твои увядающие каналы получили бы приток свежих сил, подарив тебе еще добрых шестьдесят лет жизни.

На этот раз Первый старейшина соизволил поднять на собеседника тяжелый взгляд, хотя его голос остался прежним:

— Похоже, у младшего брата есть свое мнение на этот счет?

— Трое наших учеников всегда вели себя тише воды, ниже травы, прилежно занимаясь тренировками, — зашипел Второй старейшина, и он посмотрел с убийственной ненавистью. — Они не покидали пределов горы. И вдруг их режут, как скот. Неужели ты думаешь, что кому-то сдались их никчемные жизни? Нет, брат! Кто-то намеренно целился в нас с тобой. Нам просто плюнули в лицо!

Многовековой застой на пороге прорыва окончательно разложил их разум. Эти двое старейшин сейчас напоминали закостенелых неудачников, которые раз за разом проваливали главный экзамен жизни. С годами их обида на весь мир переросла в тяжелую паранойю.

— Секта Меча Лянъи поддерживает прочные связи с Сектой Повелителей Зверей и Сектой Ушедшей Обиды. Кто в здравом уме посмеет бросить нам вызов? Ты слишком мнителен, брат, — попытался возразить Первый старейшина.

— Они погибли не на диких пустошах! Их убили здесь, прямо под носом у всех, в границах Секты Меча Лянъи! — резко оборвал его собеседник.

Первый старейшина переменялся в лице. В его голове зароились панические мысли. Больше всего на свете он боялся, что его грязная тайна — использование запретных техник поглощения чужих сил — выплывет наружу. Цзян Чангэ люто ненавидел подобные темные практики. Стоит главе секты узнать о случившемся, и старику не сносить головы.

— К чему эти поспешные выводы? — стараясь сохранить равнодушие, пробормотал старик. — Те трое просто пропали. Нет ни тел, ни свидетелей.

Второй старейшина придвинулся ближе, его голос зазвучал интимно и вкрадчиво:

— Старший брат, мы делим одну обитель уже не первую сотню лет. Я делюсь своими догадками лишь потому, что мы всегда стояли плечом к плечу. Если ты готов выслушать... я открою тебе глаза. Но помни: если дело выгорит, твоему младшему брату понадобится твоя поддержка.

— Твоя преданность не останется без награды, — глухо отозвался Первый старейшина. — Говори.

— Я подозреваю... что это дело рук самого главы секты.

Пламя светильника дрогнуло от сквозняка, на миг погрузив лицо Первого старейшины во тьму.

— Я лично спускался в Зал Жизни, — прошептал Второй старейшина. — Их именные жетоны бесследно исчезли с алтаря. Именно поэтому мы не почувствовали момента их гибели. Подобное под силу проверить только тому, кто имеет полный доступ к защитным плетениям секты. Подумай сам, брат, кто, кроме Цзян Чангэ, способен проверить такое без лишнего шума?

На лице Второго старейшины проступила ярость:

— Этот выскочка никогда не заботился о делах секты! На чьих плечах годами держалось благополучие Лянъи? На твоих и моих, старший брат! Если бы мы не растрачивали свои духовные силы на управление делами этой неблагодарной толпы, ты бы уже давно восседал в

чертогах Зарождающейся Души! А Цзян Чангэ мало того, что ни во что не ставит наши заслуги, так еще и посмел зарезать твоего ученика из-за пустякового спора между младшими! Он просто вытер о нас ноги!

Каждое слово Второго старейшины било точно в цель, бередя застарелые раны в душе собеседника. Первый старейшина хоть и понимал, что им пытаются манипулировать, но обида и уязвленное самолюбие взяли верх. В его душе закипела глухая злоба.

— Без наших трудов эта секта давно бы развалилась, — тихо продолжал искушать Второй старейшина. — Секта Лянъи должна принадлежать тем, кто ее взрастил. Нам, брат. Кресло главы по праву должно быть твоим, а не этого высокомерного безумца.

Они долго молча смотрели друг на друга в неверном свете догорающей свечи. В этой тишине без слов был скреплен их зловещий союз.

Второй старейшина едва заметно улыбнулся про себя.

«Пусть старый дурак расшибет себе лоб о Цзян Чангэ. Когда они оба ослабнут или поубивают друг друга, я выйду из тени и явлю ученикам неопровержимые доказательства преступлений Первого старейшины. И тогда власть над Сектой Меча Лянъи сама упадет мне в руки»

Первый старейшина медленно опустил веки, скрывая торжествующий блеск в глазах.

«Решил поймать двух птиц одним камнем, используя меня как таран? Что ж, попробуй. Но сперва взвесь свои силы, глупец. Помни: пока богомол охотится на цикаду, позади него всегда бесшумно кружит голодная иволга...»

<http://bllate.org/book/20178/2132350>